

ния в Италии, что, повторяем, задевало интересы не только трудового населения Италии и мелких италийских землевладельцев, но иногда приносило ущерб и римской землевладельческой аристократии.

Так, например, в «Вариях» Кассиодора имеется упоминание о незаконном захвате Теодатом земельных владений наследников знатных римских вельмож Арголика и Амандиана¹⁶⁸. Подобные случаи отнюдь не являлись редким исключением в те смутные времена, о чем свидетельствует и многочисленность жалоб в королевскую курию на насильственные захваты земель «могущественными» лицами из числа остготской знати, и факты активной самообороны римских землевладельцев от нападений этих лиц¹⁶⁹.

Естественно, возросшая угроза земельным владениям римской знати не могла не вызвать серьезного недовольства среди наиболее влиятельных кругов сенаторской аристократии Италии.

Конечно, и сами римские сенаторы отнюдь не брезговали насильственным захватом чужих земель, однако, по-видимому, безнаказанно могли это делать лишь сторонники остготского правительства из числа перешедшей на его сторону римской аристократии. Это предположение подтверждается данными Кассиодора, который сообщает о том, что упомянутый выше римский сенатор Фавст, сторонник остготского правительства, беззастенчиво захватывал чужие земли и чинил всяческие другие насилия¹⁷⁰. Оппозиционно настроенные сенаторы подобной привилегией не пользовались.

Не удивительно, что уже к концу правления Теодориха сторонников остготского правительства среди высшей римской аристократии было лишь незначительное число, в то время как ряды сенаторской оппозиции все росли¹⁷¹. Однако остготское правительство в Италии было еще столь сильно, что представители оппозиции до поры до времени должны были скрывать свои истинные чувства и политические замыслы и ограничиваться лишь открытой защитой политики союза с Восточной Римской империей.

Таким образом, одним из важнейших вопросов, порождавших расхождение между правящей верхушкой остготского государства и старой римской аристократией, являлся вопрос о земельной собственности, ибо рост крупного остготского землевладения феодального типа представлял серьезную угрозу для интересов старой римской землевладельческой аристократии. Рано или поздно борьба за земли Италии должна была привести к острому конфликту между остготской знатью и римской аристократией, — конфликту, который мог быть разрешен лишь вооруженной рукой. Поэтому казнь Боэция и Симмаха и разрыв остготского правительства с сенаторской верхушкой являлись лишь прелюдией к кровавой войне между остготским королевством и Восточной Римской империей, оказывавшей помощь и покровительство сенаторской аристократии Италии, недовольной правлением остготов.

Вторым вопросом, также таившим в себе семена серьезных разногласий между остготской феодализирующейся знатью и старой римской аристократией, являлся вопрос об использовании труда зависимого населения Италии и методах его эксплуатации.

Конечно, в отношении борьбы против народных выступлений, классовые интересы и римской и остготской знати обычно совпадали и именно

¹⁶⁸ Cassiod., Var., V, 12.

¹⁶⁹ Ibid., V, 29; VII, 28; XI, 25.

¹⁷⁰ Ibid., III, 20.

¹⁷¹ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, p. 125—126.